

О.А. ПУЧКОВ
В.О. ПУЧКОВ

НЕДОСТИГНУТОЕ ДОСТИГНУТОЕ: РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА В ПОСТМАРКСИСТСКИЙ ПЕРИОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития российского правоведения как вопрос философско-методологического плана. Показывается, что модели развития, утвердившиеся в философии науки, не могут применяться при описании исторического движения юридической науки, поскольку такие модели ориентированы на естествознание. Предлагается гносеологический подход к развитию знания как концептуальная модель, отражающая изменение средств научного познания и единиц теоретического знания вследствие противоречий его исходного состояния. На основании предложенной модели обосновывается отсутствие философско-методологических и теоретических противоречий советского правоведения — с одной стороны, и постмарксистского — с другой. Аргументируется тезис о том, что историческому движению российской теории права после 1991 года характерны признаки не столько развития, сколько стагнации, возникновение которых обусловлено недостаточным вниманием правоведов к методологическим вопросам юридической науки. **Ключевые слова:** юридическая наука, методология науки, развитие знания, советское правоведение, постмарксистское правоведение, теория права.

THE UNREACHED REACHED: DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGAL THEORY DURING THE POST-MARXIST PERIOD AS THE METHODOLOGICAL ISSUE

Abstract. The proposed article discusses the issue of Russian legal science' development as the methodological inquiry. The study shows that development models design by philosophy of science cannot be applied to account of legal science' historical movement whereas the models focuses on natural science. The authors propose epistemological approach to the knowledge development as a conceptual model reflecting the alteration of scientifico-cognitive tools and units of scientific knowledge due to its initial state contradictions. Based

ПУЧКОВ Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

ПУЧКОВ Владислав Олегович — кандидат юридических наук, ведущий юрисконсульт ООО «Урал Импортер Лимитед», г. Екатеринбург

on the proposed model, the authors substantiate the absence of philosophico-methodological and theoretical contradictions of Soviet jurisprudence, on the one hand, and post-Marxist one, on the other. The research argues thesis stating that the historical movement of Russian legal theory after 1991 could be characterized not so much by signs of development as by stagnation, the emergence of which is due to insufficient attention from legal scholars to the methodological issues of legal science.

Keywords: legal science, methodology of science, development of knowledge, Soviet jurisprudence, post-Marxist jurisprudence, theory of law.

Существующие ныне философские модели развития науки объединяет итоговый вывод о том, что историческое движение научного знания сопровождается его количественным и качественным ростом [8, с. 511–512; 18, р. 145]. Кажущийся если не бесспорным, то, во всяком случае, правдоподобным, этот тезис, между тем имеет свои основания проблематизации, главным образом связанные с *концепцией* науки, с философски постулируемым *ее идеалом*. В этом смысле, по замечанию В. Когге, еще со времен контовского позитивизма гносеологическим идеалом науки выступало опытное естествознание [20, s. 55 et seq.], которое по крайней мере с XVII века заявляло свои претензии на соответствующий статус. Характерны, к примеру, попытки физикализации естественного права, ставшие общим местом в первых философских рефлексиях науки [14, с. 50 и след.].

Размежевание естественных и гуманитарных наук — как по линии метода, так и в плане особенностей разрабатываемых ими теоретических моделей — связано с формированием во многом оппозиционной позитивизму герменевтико-диалектической традиции, обозначившей, в числе прочего, проблему развития данных *типов* науки, критерии какового в этом смысле не могут быть для них общими [1, с. 68 и след.]. В то же время дальнейшая генерализация представлений об историческом движении научного познания продолжала ориентироваться на естественную науку как образец последнего.

Здесь показательна предложенная В.С. Степиным типология научной рациональности [15, с. 3–18], которая применима весьма ограниченно — если применима вообще — в моделировании парадигм социогуманитаристики (хотя бы по той причине, что постнеклассические черты, ставшие, по мысли Степина, характерными для науки ближе к концу XX века, та же юриспруденция наглядно демонстрирует как минимум с начала прошлого столетия¹). Упоминание разработанной Степиным модели развития науки неслучайно: интенсивность методологически несостоятельных попыток, предпринимаемых правоведами в использовании данной модели для описания юридической науки [3, с. 19, 138 и далее; 6, с. 16; 9, с. 24–29], является косвенным подтверждением того обстоятельства, что в правовом сознании естествознание по-прежнему доминирует как образец науки.

¹ Наглядной иллюстрацией сказанному является раннесоветская (1920–1930 гг.) теория права.

Отсюда формируется центральный вопрос предлагаемого исследования: справедливо ли утверждение о росте научного знания в отношении отечественной юриспруденции; действительно ли отказ от методологического монизма привел к качественному обновлению правовой теории, к появлению концептуальных положений, значительно более состоятельных в эвристическом плане, чем их советские предшественники?

Философско-методологические замечания

Оправданно считать, что ответы на поставленные выше вопросы требуют введения представлений о *развитии знания*, понимаемого в широких гносеологических, а не в философско-научных контекстах. Обоснованием этого тезиса служит следующая совокупность исходных положений: (а) поскольку философская концепция науки преимущественно ориентирована на естествознание, (b) но — в то же время — естественные и гуманитарные науки принадлежат к качественно различным типам науки, (с) постольку философские модели развития науки экстраполируют доминирующие в естествознании критерии такового на область гуманитарных наук и (d), следовательно, не могут быть использованы в качестве объяснительных принципов в рамках настоящего исследования. Отсюда философски обоснованным к исследованию развития гуманитарно-научного знания является именно гносеологический (также обозначаемый в данной работе как теоретико-познавательный) подход.

В теоретико-познавательном контексте знание как развивающаяся система рассматривается в двух планах, обозначаемых как «инструментальный» и «концептуальный».

В *инструментальном плане* развитие знания представляется как процесс его движения от гипотетической формы к теоретической [22, р. 38–43; 19, р. 107–108]; с течением времени теория достигает предела развития, когда «при включении в нее новых фактов обнаруживаются противоречия, неразрешимые в данной системе знания» [7, с. 240]. Это, в свою очередь, требует пересмотра методологических принципов первоначального теоретического построения, существенного изменения познавательных средств, в результате которого и формируется новая теория, способная разрешить противоречия предыдущей. Таким образом, в *инструментальном плане* критерием развития знания выступает изменение средств его формирования, обусловленное его *внутренними противоречиями*.

Концептуальный план развития знания фиксирует содержательное изменение его единиц (понятий); последнее, взятое в логической форме, однако означает не то, что предшествующее суждение (S есть P) полностью заменяется новым (S есть X и не есть P), а то, что в системе знания утверждаются «границы применения» прежних предикатов (S есть P и не есть X до тех пор, пока S не есть X) [17, с. 60 и след.]. В то же время говоря о «границах применения» предикатов, следует сделать оговорку, что такие модальности

неизвестны формальной логике; для нее суждение S есть Р и не есть Х до тех пор, пока S не есть Х принимает форму *логического противоречия*: S есть Р и не есть Х и есть Х.

Г.П. Щедровицкий по этому поводу замечал: «Лишь только какое-нибудь свойство, считавшееся до того простым и абсолютно сходным в ряде объектов мысли, начинают рассматривать *с новой точки зрения*, то есть в других условиях и при других отношениях между предметами и явлениями, как оказывается, что это свойство не абсолютно сходно во всех рассматриваемых объектах, что оно наряду со сходными моментами несет в себе различия» [17, с. 63]. Отсюда, концептуальный план развития знания представляет данный процесс как содержательную динамику понятий, при которой *противоречие предшествующего знания* обуславливает формирование последующего, которое в то же время задает пределы применения предшествующего.

Таким образом, в контекстах теоретико-познавательного подхода допустимо утверждать, что *развитие знания представляет собой такое изменение средств его получения и единиц (понятий), которое обусловлено выведенными противоречиями знания; развитие знания состоит в его обновлении, когда наряду с появлением новых единиц и средств получения знания определяются пределы применения предшествующих.*

Существуют ли противоречия между советской и постмарксистской теорией права?

В современных теоретико-правовых работах советский (с 1920-х гг. до 1991 г.) и постмарксистский (с 1992 г.) «образцы» правовой науки зачастую рассматриваются если не как антиподы, то во всяком случае как системы, во многом *противоречащие* друг другу. На первый взгляд, этот тезис не обнаруживает каких-либо оснований для критики. С одной стороны, наука, существующая в условиях жесткого государственно-идеологического диктата, с другой — наука, функционирующая в свободном обществе. В общей теории права обусловленные этим различия кажутся принципиальными и выраженными наиболее ярко; обнаруживаются они и в частных вопросах отраслевого правоведения (например, относительно круга субъектов доказывания в науке цивилистического процесса [13, с. 236 и след.] или относительно владения и владельческой защиты в гражданско-правовой науке [5, с. 67 и след.]), где фундаментальность таких различий закрепляется господством позитивного правопонимания.

Заключительным аргументом в пользу противоречия советской и постмарксистской теорий права стали суждения ведущих ученых-юристов в 1990–2000 годы. В этом смысле наиболее характерны оценки С.С. Алексеева: если в 1979 году он пребывал в убеждении о «подлинно научном» характере советского правоведения и полагал концепцию социального правового государства средством «извращения» правовой науки [12, с. 25], то уже в 1997 году он обратился к юридическому сообществу с покаянием в том,

что «проповедовал ленинско-сталинские юридические постулаты, фантазии и фальсификации, всюду играл в фальшивые околонучные игры» [2, с. 4].

Упоминание марксизма-ленинизма как идеологического фактора, обусловившего «несостоятельность» советского правоведения, неслучайно: правовая наука постсоветской России изначально рассматривала себя в качестве антипода своей предшественницы, противопоставляя социалистической плановой экономике юридически обоснованные принципы свободного рынка, а диктатуре пролетариата — конституционные ценности либеральной демократии. Между тем уже эти, кажущиеся фундаментальными противоречия советской и постсоветской теорий права, образуют не что иное, как научный миф.

Выдвигая такой тезис, было бы оправданно прежде всего отметить, что противоречие есть взаимоисключение, то есть ситуация, при которой одновременное существование тех или иных объектов, отношений, тенденций и тому подобного признается невозможным. Между тем разработанная К. Марксом материалистическая диалектика постулирует «внутреннее единство и взаимопроникновение» противоположных явлений, «выступающее источником самодвижения и развития объективного мира и познания» [16, с. 545]. В этом смысле противоположность явлений не выступает в роли некоей априорной данности, а *формируется* с течением времени вследствие *последовательного качественного изменения одного и того же явления*; в частности, в формационной теории государства и права противоречия буржуазного и социалистического государства и права выявляются тогда, когда *первое становится вторым*. С данной позиции ни буржуазная демократия, ни капиталистическая экономика не вступают в противоречие с социализмом постольку, поскольку в процессе своего развития становятся диктатурой пролетариата и социалистическим способом производства соответственно. Тем самым главный аргумент сторонников антиномии советского и постсоветского правоведения обесмысливается.

Можно, конечно, возразить, что изложенное справедливо именно с точки зрения марксистского, диалектико-материалистического подхода, следование которому уже не вменяется правоведам. Однако здесь примечательно то, что отказ российской юриспруденции от марксизма оказался преимущественно декларативным. Прежде всего, само противопоставление демократии диктатуре пролетариата, а рынка — социалистической экономике осуществляется *именно в философских контекстах марксизма*. Единицами теоретического мышления выступают понятия. В данном восприятии, продолжая пользоваться понятиями, характерными для советского правоведения, российская юриспруденция расписалась в собственном марксистском характере (дополнительным аргументом сказанному служит и то, что в большинстве диссертационных исследований юристов материалистическая диалектика Маркса прямо называется в числе их методологических оснований). Таким образом, не будучи марксистской *идеологически*, российская теория права во многом осталась ею *понятийно*.

Единство философско-методологической основы советского и пост-марксистского правоведения обусловило их мировоззренческую общность, исключаящую формирование качественно различных теоретических моделей. Показательно, что за более чем тридцатилетний период своего развития российская юриспруденция не выработала понятия о праве, отличного от утвердившегося в советской правовой науке. Неизменными остались и иные базовые теоретико-правовые понятия, — о структуре правоотношения, юридическом факте, составе правонарушения и тому подобном.

Заявленным тезисам можно найти возражение: по крайней мере в 1990-х — начале 2000-х годов предпринимались попытки обоснования альтернативных типов правопонимания: либертарно-юридическая теория В.С. Нерсисянца, интегративная концепция В.В. Ершова, коммуникативное правопонимание А.В. Полякова и другие.

Но ни в одной из обозначенных концепций утвержденное в советском правоведении позитивное правопонимание *не отрицается и не отвергается*. Так, В.С. Нерсисянц, не рассматривая проблему позитивного права как такового, рассуждает *о либертарной сущности* права, тем самым помещая свою концепцию в предметную область не столько науки, сколько философии как совершенно иной формы познания [10, с. 16 и след.]. Отсюда, либертарная концепция права не может считаться научной, так как сама философия не может считаться наукой.

В.В. Ершов, в свою очередь, утверждает, что «в соответствии с интегративным пониманием права право и закон не различаются как разные феномены и понятия» [4, с. 9]; тем самым, предлагаемое автором понимание права, заявленное им как интегративное, в действительности является позитивистским.

Наконец, коммуникативная теория А.В. Полякова, по его собственному утверждению, основывается на том постулате, что правовая коммуникация опосредована правовыми текстами, и право, как таковое, создается именно деятельностью субъектов, интерпретирующих и реализующих положения правовых текстов [11, с. 9–10]. В данной констатации ученого нетрудно заметить концептуальный подход правового реализма, который возник на почве юридического позитивизма как реакция на его практические недостатки, не отказываясь при этом от базового представления юспозитивистов о праве как системе социальных норм, изложенных в государственно-властных актах [21, р. 581].

Таким образом, попытки постсоветского правоведения отыскать новое понимание права неизбежно приводили его (в той или иной форме) к юридическому позитивизму; на последнем основывалась и советская правовая наука, и в этом смысле отличие советского правопонимания от постсоветского состоит не более чем в целях и ценностях, атрибутируемых позитивному праву.

В заданном контексте противоречия между советской и постсоветской теорией права оправданно было бы охарактеризовать как в большей мере

идеологические, чем теоретические или методологические. Следовательно, не удастся обнаружить оснований для теоретического развития российского правоведения в том смысле, в котором это понятие используется в данной работе. Социальная революция, по факту свершившаяся в 1991 году, в рассматриваемом понимании не сопровождалась *научной революцией* и, более того, не должна была сопровождаться ею в силу того, что правоведение как наука основывается на догматическом методе, восходящем к глоссаторам, демонстрируя неизменную приверженность устоявшимся и ставшим традиционными правовым понятиям и принципам вне зависимости от социальных, культурных, технологических и других подобных факторов.

Наконец, обращает на себя внимание то, что, несмотря на идеологическое давление, советское правоведение разработало ряд оригинальных концепций, впоследствии закрепившихся в качестве общепризнанных теоретических моделей (речь идет, в частности, о теории состава преступления А.Н. Трайнина, понятии механизма правового регулирования С.С. Алексеева, поведенческой концепции вины О.С. Иоффе и др.). Между тем российское правоведение, не стесненное диктатурой и общеобязательной идеологией, не может похвастаться подобными достижениями, а это, в сущности, является свидетельством того, что в своем историческом движении постсоветская правовая наука до сих пор не вошла в фазу развития.

Заключение

Каковы причины стагнации российского теоретического правоведения, признаки которой зачастую отмечаются в методологических исследованиях? Можно полагать, что в качестве одной из таковых выступает то, что в постсоветский период общетеоретическое и методологическое направления правовых исследований в значительной мере уступили (во всяком случае количественно) отраслевым разработкам. При этом последние зачастую ориентированы не столько на создание научных абстракций, сколько на разрешение прикладных вопросов. В этом плане вопрос методологического самоопределения (а, значит, и развития) правовой науки оставлен учеными-юристами без должного внимания. Устойчивость обозначенной тенденции создает для юриспруденции риск деградации от уровня науки до уровня инструктивного, технического по своей сути знания и тем самым актуализирует вопрос о принципиальном будущем юридической профессии в XXI столетии.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Ч. 1. Механистическая теория общества. Исторический материализм. М.: Типография Императорского Московского университета, 1912.

2. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 4: Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х — 2009 годов. М.: Статут, 2010.
3. Берг Л.Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019.
4. Ершов В.В. Российское право с позиции легизма и интегративного понимания // Российское правосудие. 2011. № 10(66).
5. Жужжалов М.Б. Понятия титульного и законного владения в российском гражданском праве // Закон. 2011. № 1.
6. Калинин С.А. Методология юриспруденции в контексте парадигм научной рациональности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4(48).
7. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974.
8. Лебедев С.А. Основные модели развития научного знания // Вестник Российской Академии Наук. 2014. Т. 84. № 6.
9. Михель Д.Е. Коммуникативная теория права в системе постнеклассической юридической науки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4.
10. Нерсисянц В.С. Право — математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996.
11. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2002.
12. Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1979.
13. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019.
14. Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. В 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 2006.
15. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10.
16. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
17. Щедровицкий Г.П. О некоторых моментах в развитии понятий // Вопросы философии. 1958. № 6.
18. Haufe Ch. How Knowledge Grows. The Evolutionary Development of Scientific Practice. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 2022.
19. Jong T. de, Ferguson-Hessler M. Types and Qualities of Knowledge // Educational Psychologist. 1996. Vol. 31. № 2.
20. Kogge W. Einführung in die Wissenschaften. Wissenschaftstypen — Deutungskämpfe — Interdisziplinäre Kooperation. Berlin: Transcript Verlag, 2022.
21. Llewellyn K.N. On Reading and Using the Newer Jurisprudence // Columbia Law Review. 1940. Vol. 40.
22. Maeng J., Bell R. Theories, Laws, and Hypotheses // The Science Teacher. 2013. Vol. 80. № 7.